

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
(к выходу книги лауреата Нобелевской премии, профессора
Джозефа Стиглица – Joseph E. Stiglitz, *Globalization and its Discontents*, 2002)

Присуждение Нобелевской премии по экономике за 2001 г. американскому проф. Джозефу Стиглицу можно рассматривать как вызов господствующему в США, да и на Западе, неолиберальному направлению экономической мысли. Собственно, премия присуждена за работы в области информационной асимметрии, т.е. неодинаковой информированности различных участников экономической жизни о ее проявлениях, скажем, рабочих и нанимателей о состоянии рынка труда, кредиторов и заемщиков об ожидаемой конъюнктуре и т.д. Но эти работы послужили фундаментом для более широких выводов, касающихся несовершенства рынка и в этой связи роли государства в экономике.

Теоретические воззрения автора хорошо отражены в опубликованной им в 2002 г. книге «Глобализация и недовольство ею». Свою позицию он формулирует уже в предисловии: «Я не настолько глуп, чтобы поверить, что рынок сам по себе решит все социальные проблемы. Неравенство, безработица, загрязнение окружающей среды непреодолимы без активного участия государства» [1, р. XIII]. Такое заявление звучит для многих вызывающе. Книга не оставляет камня на камне от ходячих постулатов либеральной рыночной доктрины, которая до сих пор лежит в основе деятельности Международного валютного фонда (МВФ), Международного банка реконструкции и развития (Мирового банка), Всемирной торговой организации (ВТО), а также подхода американской администрации к странам формирующегося рынка, в том числе России.

Критические взгляды Дж. Стиглица сформировались в немалой степени в результате его службы в качестве члена, а затем председателя Экономического совета¹ при Президенте Билле Клинтоне (1993-1997 гг.), а в последующем – старшего вице-президента и главного экономиста Мирового банка (1997 – январь 2001 гг.). Располагая обширной информацией, которая имелаась в Белом доме и международных организациях, посещая по служебным делам многочисленные страны и встречаясь с членами их правительств, банкирами и бизнесменами, он из первых рук получал материалы для глубокого анализа современной экономики. Это позволило ему увидеть то, что многие экономисты из академических и правительственных кругов упорно не хотели замечать – разрушительные последствия, которые глобализация на американский манер и по рецептам так называемого Вашингтонского консенсуса² может иметь для бедных стран и стран, осуществляющих переход к современной рыночной экономике.

На многочисленных примерах Дж. Стиглиц убедился, насколько важно для выработки успешной политики по преодолению кризисных ситуаций опираться только на факты и беспристрастно анализировать возникающие экономические про

¹ Орган, состоящий из трех экспертов, назначаемых президентом США, в задачу которого входит консультирование президента по вопросам экономической политики.

² Стандартные рекомендации по стабилизации положения в странах, испытывающих серьезные экономические трудности, выполнение которых по взаимному согласию американского правительства и международных организаций обуславливает кредитную помощь и другое содействие. Главные требования сводятся к либерализации цен внутренней и внешней торговли, быстрой и полной приватизации всех видов имущества, макроэкономической стабилизации, т. е. сокращению бюджетного дефицита и инфляции путем жестких денежных и кредитных ограничений.

блемы, оставляя в стороне идеологию. Его опыт пребывания на ответственных административных постах показал, однако, обратное – в решениях, свидетелем принятия которых он был, преобладали идеологические и политические (продиктованные американскими интересами – *О.Б.*) мотивы. «Решения принимались на основе того, что казалось курьезной смесью идеологии и плохой экономической теории, догм, за которыми порой скрывались особые интересы» [1, р. XIII].

Сегодня, когда критика в адрес МВФ начинает звучать все громче, многие задаются вопросом, что больше в навязываемых этой организацией рецептах – некомпетентности или сознательного расчета. Автор книги – не сторонник теории заговора. По его мнению, на действия чиновников и политику международных экономических организаций преобладающее влияние оказывали господствующие в западном мире теоретические представления. Искажая и упрощая реальную экономическую действительность, либеральная теория на деле осознанно или неосознанно отвечала, прежде всего, интересам богатых и сильных стран. «Идеология, – по словам Дж. Стиглица, – предопределяла политические рецепты МВФ, а от стран ожидали послушного, без обсуждений следования им... Разочарование глобализацией вызвано не только осознанием ущерба, наносимого развивающимся странам политикой, продиктованной идеологией, но также неравенством в глобальной торговой системе» [1, р. XIV-XV]. В этом тезисе выражена главная мысль книги, подробно раскрываемая в ее отдельных главах.

Российский пример рыночной трансформации автор анализирует особенно детально, ибо в нем рельефно проявилась несостоятельность радикально-либеральной идеологии и политики, а также деструктивное влияние международных институтов. Результаты российских рыночных реформ рассмотрены в книге под углом зрения идущей в США полемики по вопросу: «Кто потерял Россию?». Автор так и назвал одну из глав своей книги и дал на этот вопрос недвусмысленный ответ. По его убеждению, ответственность за положение дел в России лежит не только на доморощенных реформаторах, но и на западных деятелях и международных институтах. «Кредиты МВФ наносили вред России», поскольку не только увеличивали бремя ее долгов, но и обуславливались проведением ошибочной внутренней политики. За ними «стояло намерение сохранить у власти существующую группу, коррумпированность которой была очевидна. Таким образом, удалось намеренно и в такой степени вмешаться в политическую жизнь страны, что не были проведены более глубокие преобразования, выходящие за рамки примитивного, узкого видения рыночной экономики и направленные на создание эффективной демократии» [1, р. 192].

Общественная трансформация в нашей стране, несомненно, представляет одно из проявлений процесса глобализации, тем более, что реформы изначально предусматривали активное включение российской экономики в мирохозяйственные отношения. Поэтому глава хорошо вписывается в общий замысел книги, посвященной не столько положительным сторонам глобализации, сколько ее изъянам, несовершенству сопровождающей ее политики и механизмов осуществления. Российские реформы оказались жертвой, по мнению Дж. Стиглица, этих изъянов. Архитекторы наших реформ уверовали в непогрешимость западной экономической мысли и безоглядно приняли рекомендации из-за рубежа.

Дж. Стиглиц со знанием дела пишет о реформах в России, поскольку на протяжении почти 20-ти лет был вовлечен в дискуссии о рыночной трансформации коммунистической экономики (в 1980 г., когда он впервые беседовал об этом с китайскими лидерами, и в последующем во время посещений России и других посткоммунистических стран). Суждения и аргументы нобелевского лауреата очень весомы, выводы точны и беспощадны для тех, кто ответственен за плачев

ные результаты рыночного строительства в России. «Я был решительным сторонником градуалистской политики, принятой китайцами, политики, доказавшей свои достоинства на протяжении двух десятилетий. И я был решительным критиком радикальных стратегий реформирования, подобных шоковой терапии, которая так печально провалилась в России и некоторых других странах бывшего Советского Союза» [1, р. X-XI].

Понятно, что адепты неолиберализма, стоящие у власти и у нас, и на Западе, яростно оспаривают оценки и теоретические позиции Дж. Стиглица, представляют его неким заблудшим оригиналом, стремящимся быть непохожим на других. На самом деле он далеко не одинок, его взгляды разделяют многие видные авторитетные ученые. Так, с середины 90-х годов действует выступающая с тех же позиций Группа экономических преобразований, объединяющая американских экономистов, включая нескольких нобелевских лауреатов, и ведущих российских академиков³. Группа опубликовала книгу «Реформы глазами американских и российских ученых» [2], направила первому и второму Президентам России «Обращения» с предложениями новой повестки дня экономических реформ в стране. Предложения, напечатанные в отечественных газетах и журналах, как водится, были проигнорированы, несмотря на то, что российская действительность дает все новые подтверждения правоты высказанных идей.

В США они тоже не привлекли заметного внимания официальных и научных кругов, если не считать написанной участниками Группы книги «Новая Россия: провальное преобразование», изданной в 2001 г. под редакцией нобелевского лауреата Лоуренса Клейна и профессора Маршалла Поумера [3]. Такова судьба сегодня честной и независимой мысли, ярким представителем которой выступает проф. Дж. Стиглиц.

Те, кто действительно внимательно и беспристрастно, как автор рассматриваемой книги, наблюдает в США за переменами на постсоветском пространстве, далеки от оптимистических оценок. Они пытаются извлечь уроки из предпринятого по советам Запада эксперимента. «Запад говорил этим странам, – пишет Дж. Стиглиц, – что новая экономическая система принесет беспрецедентное процветание. Вместо этого она принесла беспрецедентную бедность: для большинства населения рыночная экономика оказалась во многих отношениях даже хуже, чем проповедовали коммунистические лидеры. Огромный контраст между переходом к рынку в России, спроектированным международными институтами, и в Китае, где он разработан самостоятельно» [1, р. 6].

Автора явно волнует вопрос об ответственности за случившееся, о главных причинах фиаско благих начинаний. Он критикует политику Запада, но не снимает вины и с российских руководителей. За нежеланием пойти собственным путем, который с учетом российских особенностей предлагали видные отечественные специалисты, стояли, как можно его понять, еще интересы пришедшей к власти новой элиты. Она увидела в радикально-либеральных реформах на основе стандартных рецептов Вашингтонского консенсуса возможность быстрого обогащения. Кроме того, радикализм импонировал Ельцину, который критиковал Горбачева за нерешительность в реформировании советской экономики. Избавившись от центральной власти после роспуска Советского Союза, Ельцин приступил к энергичным мерам, обещая в кратчайшие сроки осчастливить народ, а заодно и продемонстрировать другим, как и что надо делать.

³ Заявление о намерениях Группы подписали: Л.Клейн, О.Богомолов, В.Макаров, Дж.Тобин, К.Эрроу, Л.Тэйлор, М.Поумер, Г.Арбатов, М.Интрилигейтор, Л.Абалкин, Ю.Яременко, Д.Львов, А.Некителов, С.Глазьев, Р.Гринберг.

Дж. Стиглиц называет это «большевистским подходом к рыночным реформам». «По существу, – пишет он, – радикальные реформаторы прибегли к большевистским стратегиям, хотя и заимствовали их из других учебников. Большевики попытались навязать коммунизм не воспринимавшей его стране... В новой посткоммунистической России элита, инспирируемая международной бюрократией, подобным же образом попыталась силой навязать быстрые перемены не готовому к ним населению» [1, p. 163].

Такая политика опиралась на идеологию, которую автор книги характеризует как *рыночный фундаментализм*, заимствованный, по его мнению, из учебников, излагающих сверхупрощенную версию рыночной экономики, которая пренебрегает многими сторонами реальных социально-экономических процессов, их динамикой. Эти учебники часто утверждают будто главными элементами рыночной экономики являются только свободные цены, частная собственность и прибыль. Вместе с конкуренцией, настаивают они, это рождает стимулы, ведет к снижению издержек и установлению равновесия в экономике. Действительность не столь однозначна. При таком узком видении остается вне поля зрения роль таких исключительно важных составных частей современной рыночной экономики, как институциональная инфраструктура, в первую очередь правовая и правоохранительная системы, банковские и денежные институты, а также другие используемые государством регулирующие механизмы.

Их задача – обеспечить выполнение контрактов, решение коммерческих споров, соблюдение условий для честной конкуренции и законной процедуры банкротства, норм корпоративной деятельности, установленных правил работы банков и рынков ценных бумаг и т.д. В странах Запада регулирующие механизмы формировались на протяжении полутора столетий в целях противодействия разрушительным проявлениям дикого, необузданного капитализма. То же следует сказать об институтах социальной защиты населения, которые создавались в XX в. для смягчения последствий безработицы, сокращения нищеты, большей доступности медицинской помощи, образования. Все это способствовало консолидации общества, смягчению внутренних противоречий и конфликтов, препятствующих социальному и экономическому прогрессу. При этом возрастала роль государственного бюджета и государственных институтов.

Российские либерал-радикалы проигнорировали исторический опыт капитализма. Они полагали, что переход одним прыжком к свободным ценам и частной собственности позволит рынку начать функционировать и без регулирующих институтов. Всю необходимую рыночную инфраструктуру можно будет достраивать по ходу дела. Более того, они провозгласили уход государства из экономики, существенное сокращение его перераспределяющих функций, выступили за уменьшение доли государственных расходов в ВВП и продолжают на этом настаивать. На деле это обернулось возникновением диких, разбойничьих форм капитализма, разгулом преступности и коррупции, чудовищным обнищанием большинства населения.

Дж. Стиглиц разъясняет роковые ошибки архитекторов российских реформ на простых примерах. «Прежде чем вы создадите фондовый рынок, – пишет он, – следует убедиться, что уже действует реальное регулирование. Новые фирмы должны иметь возможность привлекать дополнительный капитал, а это значит, что нужны настоящие банки, не прежнего советского образца и не те, которые сужают лишь государство. Реальная и эффективная банковская система требует строгого банковского регулирования. Новые фирмы должны иметь возможность покупать землю, а это требует создания рынка земли и системы земельной регистрации» [1, p. 139]. «Приватизация в отсутствие институциональной инфраструктуры (например, корпо

ративного законодательства и прогрессивного корпоративного управления) не оказывает, – читаем мы, – позитивного влияния на экономический рост» [1, р. 157].

Отсутствие в России и ряде других стран хорошего корпоративного управления, строго контролируемого государством, означало, что те, кто получал контроль над корпорациями, в том числе находящимися в полной или преобладающей собственности государства, невольно оказывались перед соблазном прихватить себе чужую собственность, обобрать государство или миноритарных акционеров. Многие смогли не поддаться искушению. «Приватизируя монополии, – замечает автор, – до того, как заработало действенное регулирующее ведомство по вопросам конкуренции, вы просто-напросто на смену государственным монополиям создаете частные, намного более беспощадные в эксплуатации потребителей» [1, р. 141]. Словом, вместо плохих, неэффективных монополий появляются еще худшие, стремящиеся к наживе, не считаясь с интересами общества. В этом смысле они, бесспорно, эффективнее государственных, но отнюдь не в плане снижения издержек и цен.

К доводам в пользу поэтапного, градуалистского проведения реформ относятся трудности создания рынка рабочей силы, которая представляет самый важный товар для успешного экономического развития. Для этого, отмечает автор, нужно было бы, чтобы работники могли свободно менять место работы, переезжать туда, где их труд оценивается более достойно. Однако такая мобильность невозможна при отсутствии развитого рынка жилья, ипотечного кредита, а главное, при уровне заработной платы, не позволяющем ни покупать или арендовать квартиру на рыночных условиях, ни переезжать на далекие расстояния. Кроме того, ей препятствуют правила обязательной регистрации граждан по месту жительства, в которой власти могут отказать.

Не может рыночная экономика быть здоровой и эффективной, если потребительские цены, стоимость приобретения жилья неуклонно приближаются и даже сравниваются с их уровнем в странах Запада, а заработная плата в силу задаваемых государством стандартов и монопольного положения работодателей отстает порой в десятки раз. Как и в бывшем Советском Союзе, в России заработная плата подавляющего числа работающих остается недопустимо низкой не только по сравнению с другими странами с сопоставимым уровнем развития, но и по отношению к достигнутой производительности труда. По производительности труда Россия отстает от США в 5-6 раз, а по средней заработной плате в 15-20 раз. Разрыв в оплате высококвалифицированного труда может быть еще значительнее. Помимо негативных социальных последствий и разрушения стимулов к добросовестному труду, это еще означает хроническую подавленность массового спроса населения, отсутствие емкого рынка для расширения производства. Для исправления положения нужна соответствующая политика государства и превращение профсоюзов в подлинных представителей экономических интересов трудящихся.

Словом, государством должны быть приведены в действие механизмы социальной защиты, восполняющие несовершенство рынка. Помимо политической воли на это нужны время и средства в государственном бюджете, что в свою очередь требует осторожности при приватизации особо доходных видов деятельности и построения эффективной системы сбора налогов.

Ряд страниц книги посвящен описанию горьких итогов реформирования российской экономики, включая историю и предысторию валютно-финансового краха в августе 1998 г., с подоплекой которого был хорошо знаком автор книги, работавший тогда в Мировом банке. Некоторые из приводимых им фактов выглядят как свидетельские показания и могли бы заинтересовать независимую прокуратуру. Впрочем, наша пресса и телевидение сообщают и не такое. Фактами нас не

удивишь, примечательны сопровождающие их оценки человека стороннего, но небезразличного. Вот некоторые из них. «Россия быстро превратилась из индустриального гиганта, страны, которая сумела запустить на орбиту первый в мире спутник, в экспортера сырьевых ресурсов, в основном нефти и газа, составляющих более половины ее экспорта» [1, р. 152]. Она стала больным обществом, о чем «ярко свидетельствует сосредоточение его богатства в руках немногих вместо распределения его между многими... По степени социального неравенства Россия сравнима с латиноамериканскими странами, которые благодаря полуфеодалному наследству считаются в этом отношении рекордсменами» [1, р. 154].

А вот еще одно наблюдение автора, заставляющее задуматься о судьбе России. «Способные студенты в России и других странах бывшего Советского Союза, которых я встречал, старательно учились с одним амбициозным желанием уехать на Запад. Подобные потери существенны не только для сегодняшней России, но и для ее будущего, поскольку исторически средний класс являлся ядром правового и демократического общества» [1, р. 154]. И заключительный аккорд: «С Россией случилось худшее из возможного: невероятный спад производства и невероятный рост социального неравенства. Прогноз на будущее мрачен. Крайнее неравенство тормозит экономический рост, особенно, когда оно ведет к социально-политической нестабильности» [1, р. 155].

Нельзя не согласиться с приведенными оценками, тем более, что для Дж. Стиглица важно не столько описать ситуацию, сколько выяснить, как такое могло случиться. Один из разделов, озаглавленный «Как ошибочная политика привела к провалу преобразований», дает, собственно говоря, ответ на этот вопрос. «Печальная сторона истории российских реформ состояла в том, что каждая ошибка влекла за собой следующую, усугубляющую последствия предыдущей» [1, р. 156].

Либерализация цен, с которой началась шоковая терапия, вызвала беспрецедентный взрыв инфляции. Реформаторы начали отчаянно бороться с ней монетаристскими методами, предельно ограничивая денежную и кредитную эмиссию, бюджетные расходы государства и повышая процентную ставку. В результате очень скоро отношение денежной массы к ВВП оказалось на предельно низком уровне – примерно 15%, что выглядело исключением в мировой практике. Причины инфляции правительство усматривало только в излишней денежной массе в обращении – «денежном навесе», не замечая другой ее источник – рост издержек, включаемых в цены. Этому способствовало появление многочисленных жадных до наживы посредников на пути реализации товаров от производителя к потребителю, а также взвинчивание цен новыми монополистами.

Экономика начала страдать от денежного голода, порождавшего появление денежных суррогатов. Доллар вытеснял в расчетах рубли, происходила натурализация обмена, когда бартер – товар за другой товар – позволял обходиться без денег. В результате экономику парализовывал кризис платежей. Высокая инфляция обходится дорого, но не менее деструктивны безденежье, неплатежи, широкое распространение бартера.

В книге отмечается явный пережест в российской антиинфляционной политике, который критиковали и многие наши экономисты. «Имеются достаточно резонные основания полагать, – пишет автор, – что чрезмерное рвение в борьбе с инфляцией может подавлять экономический рост» [1, р. 156]. Пример Польши, раньше других стран возобновившей его, подтверждает, что необязательно стремиться к предельному обузданию инфляции. Вопреки нажиму МВФ Польша в критические годы рыночного перехода сохраняла инфляцию на относительно вы

соком, 20-процентном уровне, тогда как Чехия, доведшая годовую инфляцию до 2%, столкнулась с экономическим застоем.

Контрпродуктивной с точки зрения экономического роста была также линия на поддержание высоких процентных ставок по кредитам. Это действовало удушающе на инвестиции и неоправданно укрепляло рубль по отношению к доллару, стимулируя импорт и сдерживая экспорт.

Особенно губительные последствия, отмечается в книге, имела обвальная приватизация государственной собственности. Преимущества частной собственности над государственной рассматривались либералами в качестве аксиомы, не требующей подтверждения анализом фактов, МВФ торопил с проведением быстрой приватизации. Российские радикальные реформаторы увидели в ней не столько возможность повысить эффективность экономики, сколько как можно быстрее сделать перемены необратимыми. Причем за этой роковой ошибкой стояли, как теперь стало очевидным, материальные интересы тех, кто хотел обменять власть на жирные куски собственности. В обстановке неразберихи, когда народ еще продолжал относиться к государственной собственности как «ничейной», когда еще не сформировалась рыночная инфраструктура, а государство уже перестало управлять своей собственностью, легче всего было расхватать лакомые куски народного добра. Причем в первую очередь отдавались за бесценку в частные руки или в доверительное управление бывшим руководителям наиболее доходные отрасли и предприятия промышленности – добыча нефти, газа, алмазов, цветных металлов, банковская и внешнеторговая деятельность. Ведущие министры гайдаровского кабинета не упустили случая стать состоятельными бизнесменами и банкирами. Словом, российская практика приватизации коренным образом отличалась от западноевропейской, которая проводилась постепенно и распространялась в первую очередь на нерентабельные государственные предприятия, чтобы сделать их прибыльными. Она разительно отличалась и от китайской, и польской, которые проводились без спешки.

Суть нашей приватизации трудно замаскировать и выдать за благое дело. Дж. Стиглиц, как и многие другие эксперты на Западе, пишет об этом весьма откровенно. «Конечно, – читаем мы в книге, – осуществить быструю приватизацию легче, если не обращать никакого внимания на то, *как* она проводится: фактически раздать ценную государственную собственность своим друзьям. В сущности, это может быть в высшей степени доходно для правительственных деятелей, независимо от того, поступает ли «откат» наличными, или взносом на избирательную кампанию, или и тем, и другим способом» [1, p. 145, 144].

Многие оценки произошедшего в России звучат буквально приговором нашим приватизаторам. «Правительство создало могущественный класс олигархов и бизнесменов, которые платят казне лишь часть причитающихся налогов, значительно меньше, чем им пришлось бы фактически платить в любой другой стране... Приватизация, сопровождаемая открытием рынков капиталов, привела не к наращиванию богатства, а к разграблению уже созданного» [1, p. 144, 145]. И далее автор добавляет, что тот, кто, используя свои связи и влияние, приобрел миллиардные активы, заплатив за них ничтожную цену, заинтересован в вывозе денег за границу. Вкладывать капиталы в России рискованно, в том числе и по причине сомнительной законности нажитых богатств. Поскольку «приватизация не имела политической легитимности», к бегству капиталов подталкивала еще угроза ее возможного пересмотра [1, p. 159].

Американцам, конечно, трудно понять, как можно стать миллиардерами и попасть в список самых богатых лиц планеты за 3-4 года, причем на фоне общего упадка экономики страны. В США состояния семей Рокфеллеров, Фордов, Карне

ги и других создавались на протяжении нескольких поколений в результате постоянного расширения производства, вклада отцов-основателей в организацию бизнеса и технические нововведения. Билл Гейтс, правда, разбогател сравнительно быстро, но также благодаря исключительным заслугам в развитии компьютерных и информационных технологий. «Даже «разбойничьи бароны» дикого американского Запада, – утверждает автор книги, – умножали богатство страны, хотя и отхватили себе от него немалый кусок. Российские олигархи, разворовывали и продали имущество, оставляя страну еще беднее» [1, р. 160]. Поэтому понятно подозрительное отношение западного делового сообщества к российским олигархам.

Трудно найти пример успешной приватизации ведущих отраслей и предприятий промышленности, проводимой, что называется, в ночь с сегодня на завтра, без знания истинной цены имущества и установления общепризнанных правил и норм управления им. Там, где государство пыталось так делать, возникала полная неразбериха. Приватизация в России, по мнению Дж. Стиглица, «не только не способствовала экономическому подъему страны, она подорвала доверие к правительству, демократии и реформам. В результате раздачи природных богатств страны до того, как вступила в строй налоговая система, кучка друзей и сподвижников Ельцина превратилась в миллиардеров, а государство оказалось не в состоянии выплачивать пенсионерам 15 долл. в месяц» [1, р. 159]. Диагноз убийственный, но справедливый.

Можно лишь добавить, что российская власть таким образом сама себя высекала. Лишившись доходов от приватизированного имущества, она оказалась с пустой казной, не будучи в состоянии обеспечить приемлемое содержание армии, правоохранительной системы, медицины, школ, вузов, науки, жилищного и коммунального хозяйства и т.д. Финансовое банкротство для государства намного опаснее, чем для корпорации, даже крупной. Оно роняет авторитет власти, лишает ее рычагов эффективного управления обществом и защиты национальных интересов.

В последние годы в экономической литературе все больше внимания уделяется так называемому социальному капиталу, который должен создавать будущее общество, основанное на знаниях. Сохранение и расширение этого капитала, несомненно, один из главных показателей и одновременно одно из условий успешного перехода к рынку. В книге на этом сделан особый акцент, поскольку и МВФ, и российские власти предпочитают судить о ходе реформ по показателям, не отражающим действительное состояние общества. К достижениям относят снижение инфляции, увеличение золотовалютных резервов, бездефицитный бюджет, прекращение падения и начало роста ВВП и реальных доходов населения. Между тем влияние реформ на важнейшие стороны человеческого существования – продолжительность жизни, психическое и физическое здоровье, качество питания, медицинского обслуживания, образования, состояние культуры, науки, общественной морали, уровень социальной дифференциации, преступности, коррупции и т. д. – стараются не замечать. По всем этим параметрам ситуация непрерывно ухудшается. А это как раз то, что говорит об истинном состоянии социального капитала.

Дж. Стиглиц считает, что «зацикленность МВФ на макроэкономике, и особенно на инфляции, привела к отбрасыванию в сторону проблем бедности, социального неравенства и социального капитала» [1, р. 161]. А они являются центральными с точки зрения соблюдения «социального контракта», т. е. согласия между всеми слоями общества, между государством и его гражданами, без чего подлинный экономический прогресс недостижим. Этот контракт, в частности, требует, по словам автора, «чтобы выгоды от экономического роста справедливо распространялись и на бедных, а богатые делили бы с обществом тяготы во времена кризиса» [1, р. 78].

Эрозия социального капитала в России имеет многообразные проявления. Можно согласиться с автором книги, что «это не только вопрос злоупотреблений со стороны менеджеров, это прежде всего разгул воровства...» [1, р. 161]. Зарплата и пенсии, находящиеся ниже прожиточного минимума, подталкивают к преступлениям, тем более, что вокруг «новые русские» соревнуются друг с другом в роскоши и расточительстве. Беспрецедентная для развитых стран пропасть между богатыми и бедными бросает вызов представлениям о социальной справедливости, разрушает моральные устои.

Академик Д. Львов приводит в этой связи интересные данные. В России 15% населения, которых можно отнести к категории богатых и преуспевших, владеют 85% всех сбережений в банковской системе, сосредоточивают в своих руках 57% всех денежных доходов, 92% доходов от собственности. На остальную, самую многочисленную часть населения приходится меньше половины денежных доходов, 15% всех сбережений и крохи поступлений от собственности [4].

Кратчайший путь к богатству открывают не напряженный труд, знания и опыт, а использование связей и политической власти, различного рода махинаций и обмана, а то и просто воровство и казнокрадство. Утечка умов обескровливает отечественную науку и культуру. Школьное образование деградирует из-за нищенского положения учителей, которые нередко месяцами не получают зарплату, вынуждены бастовать, объявлять голодовку, устраивать демонстрации протеста. Население страны ежегодно убывает на 800 тыс. чел. в год, здоровье молодежи неудовлетворительно, о чем свидетельствуют обследования призывников и вузовских абитуриентов.

Казалось бы, именно эти стороны жизни общества, от которых зависит его будущее, должны быть в фокусе реформ, по ним следовало бы выверять их курс. То, что они менее всего заботят МВФ, понятно, но непонятно, почему наше правительство не проявляет желания разобраться в их причинах и сделать соответствующие выводы в своей политике.

Опираясь на анализ реформирования российской экономики, подкрепленный сравнениями с соответствующим опытом Китая, Польши, Чехии и других стран, совершающих переход к рынку, Дж. Стиглиц пытается подсказать возможный путь выхода из кризисной ситуации. Его предложения в основном совпадают с тем, о чем говорилось в упомянутых выше совместных обращениях и публикациях российско-американской группы ученых. Они базируются на теоретических представлениях, признающих несовершенство рыночного регулирования и необходимость его дополнения государственным вмешательством. Автор, как он заявляет в книге, всегда отстаивал сбалансированный взгляд на роль государства. «И рынок, и государство имеют свои ограничители и могут проявлять свою несостоятельность, поэтому оба должны взаимодействовать. Причем характер этого партнерства различается у разных стран в зависимости от уровня их политического и экономического развития» [1, р. 219-220]. Рыночные экономики очень неодинаковы, и модель, оправданная для одной страны, не обязательно подходит для другой. Слишком много объективных и субъективных факторов влияет на ее выбор и успешность функционирования. Чем ниже уровень социально-экономического и культурного развития общества, тем важнее роль государственного регулирования и актуальнее задача строительства авторитетных, пользующихся доверием государственных институтов. Те, кто несут ответственность за прошлые ошибки – плохие советчики в вопросах будущего развития России. Они настаивают на продолжении прежней политики, оправдывая ее неудачи недостаточно решительным и последовательным претворением в жизнь. Требуется, однако, принципиальная

коррекция курса реформ в ряде ключевых вопросов, на которые указывает Дж. Стиглиц в главе «Лучшие пути к рынку».

Нельзя ограничивать, замечает он, горизонт реформирования исключительно задачами макростабилизации, либерализации, приватизации. Главное создать условия для устойчивого и динамичного экономического роста. Наивно думать, что источником роста станет возврат капитала, сбежавшего из России. Мафиозно-олигархические кланы не горят желанием, по мнению автора, вернуть награбленное, даже если им гарантируют амнистию. «МВФ и Министерство финансов США никогда не обращали внимания на тот факт, – пишет он, – что они поддерживают систему, имеющую недостаточную политическую легитимность, в которой многие владельцы состояний обрели их с помощью воровства и связей с лидером – Борисом Ельциным, тоже полностью утратившим доверие к себе и легитимность... В будущем Россия должна попытаться положить конец дальнейшему разграблению своих богатств, привлечь легитимных инвесторов, обеспечив господство права, а в более широком смысле – создав привлекательный климат для бизнеса» [1, р. 188, 189]. Понятно, что эта задача далеко не чисто экономическая (последствия растрат общества при ельцинском режиме труднопреодолимы), но решать ее нужно, укрепляя и очищая государственную власть, восстанавливая доверие к ней. В этом состоит, по мысли нобелевского лауреата, главная предпосылка возрождения экономики.

Если вся экономика России еще остается серьезно больной, то в отдельных регионах благодаря инициативам местных властей дела стали заметно улучшаться. Реформу федерального устройства автор относит к одной из первоочередных, поскольку сохраняется угроза удушения полезных начинаний региональных властей под влиянием неразумной федеральной политики.

Самую главную причину отсутствия климата, благоприятствующего деловой активности, Дж. Стиглиц видит в политической и социальной нестабильности. «Огромное социальное неравенство, чудовищная бедность, возникшие за последнее десятилетие, создают благодатную почву для различных движений от национализма до популизма, отдельные из которых представляют угрозу не только для будущего российской экономики, но и для мира на планете. Будет трудно и, вероятно, не скоро удастся преодолеть неравенство, созданное столь стремительно» [1, р. 191].

В числе давно назревших мер по исправлению курса российских реформ автор книги обращает внимание на то, о чем писали и в России, и в США многие экономисты. Например, во имя стимулирования роста производства пора ослабить жесткость монетарной политики, обеспечить в полной мере сбор налогов, прежде всего, с добывающих отраслей, где легче наладить контроль за объемами производства и экспорта, а следовательно, и за уплатой налогов. Допустимой мерой принуждения в отношении должников, не заплативших налоги или не возвративших в срок кредиты, может быть, по мнению автора, и ренационализация предприятий и банков.

Он напоминает, что устранение социальной поляризации требует соответствующей политики доходов. Солидаризируясь с критиками шоковой терапии в России, он подчеркивает необходимость формирования современной инфраструктуры, позволяющей обуздывать рыночную стихию и развивать здоровую конкуренцию. Свои представления о политике, способной обеспечить успех, автор в концентрированном виде сформулировал несколько лет назад в качестве «Поствашингтонского» консенсуса. Можно лишь надеяться, что рано или поздно наступит время, когда он получит признание и ляжет в основу практической политики международных организаций.

Политику нужно вырабатывать, исходя не из идеальных представлений и своекорыстных интересов малочисленной элиты, а из реальных условий и потребностей жизни всего общества. Этим заключает свой анализ российских реформ Дж. Стиглиц.

Его вывод можно отнести и ко многим другим странам, для которых глобализация оборачивается своими негативными сторонами. Эта тема подробно освещена в книге на многочисленных конкретных примерах. Значительное место отведено, в частности, рассмотрению валютного и финансового кризиса 1997-1998 гг. в государствах Юго-Восточной Азии. Подзаголовок соответствующей главы гласит: «Как политика МВФ поставила мир на грань глобальной катастрофы».

Приводимые факты, в том числе и почерпнутые из личного опыта во время работы в Мировом банке и посещений различных стран, подводят автора к важным обобщениям. Мы находим ответ на вопрос, что такое экономическая глобализация в ее современных проявлениях и почему она подвергается одновременно и восхвалению и осуждению. В своей основе, по мнению автора, это не что иное, как тесная интеграция стран и народов мира, достигаемая благодаря огромному сокращению транспортных и коммуникационных расходов и разрушению барьеров на пути трансграничных потоков товаров, услуг, капиталов, знаний и в меньшей степени рабочей силы. Этот объективный процесс сопровождается созданием международных институтов, регулирующих его развитие.

Саму по себе глобализацию нельзя считать, говорится в книге, ни хорошей, ни плохой. Она способна принести как огромные выгоды и преимущества, что и продемонстрировали новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, так и немалые беды, которые обрушились на те же страны во время недавнего финансового кризиса. Обратная сторона медали особенно чувствительна для бедных стран.

Книга помогает читателю задуматься о причинах недовольства экономической глобализацией. Они состоят, как утверждает автор, не столько в недооценке ее политических и социальных аспектов, сколько в специфическом взгляде на экономику с позиций рыночного фундаментализма и в игнорировании всех иных воззрений. Антиглобализм обусловлен не природой глобализации, а теми формами, в которые ее облачают политика ведущих индустриальных держав и деятельность международных организаций. Их коммерческие и финансовые интересы превалируют в установлении «правил игры» в международных экономических отношениях. «Большая часть остального мира ощущает себя лишенной возможности собственного выбора» [1, р. 221]. Деятельность МВФ влияет на жизненный уровень сотен миллионов людей в развивающихся государствах, но последние практически не имеют голоса в определении его политики.

Книга убеждает читателя в необходимости реформирования международного экономического порядка. Эта постановка вопроса не нова. О новом порядке велись дискуссии и даже принимались решения в рамках ООН еще в 70-е годы. Сегодня вновь тема стала актуальной, и лидеры Большой семерки, кажется, начинают осознавать неизбежность некоторых перемен. Дж. Стиглиц – реалист и не ожидает скорого прогресса в этой области, но он тем не менее с оптимизмом смотрит в будущее. «Глобализация, – пишет он, – может принять новые формы. И когда это произойдет, когда она начнет развиваться правильно и справедливо, так, что все заинтересованные страны смогут участвовать в принятии касающихся их решений, тогда сможет возникнуть новая глобальная экономика, обеспечивающая не только более устойчивый рост, но и более равноправное распределение его результатов» [1, р. 22].

Пока это из области грез. Человечество еще не дожило до появления мирового правительства, ответственного перед народом каждой страны и располагающего полномочиями, сопоставимыми с компетенцией национальных правительств. Правда, сложилась некая система глобального регулирования, в которой доминирует несколько институтов – МВФ, Мировой банк, ВТО и такие «игроки», как министры финансов, внутренней и внешней торговли стран – членов этих организа-

ций. Собственно эта группа чиновников, как правило, тесно связанная с финансовыми и коммерческими кругами своих стран, принимает решения глобального значения. При этом вес их голоса определяет стоящая за их спинами экономическая и финансовая мощь государства. Козырные карты, естественно, находятся в руках США и их союзников. Подавляющее большинство государств, которых принимаемые решения затрагивают, практически не могут на них повлиять.

Высказываемые в книге соображения по возможной реформе МВФ и других институтов направлены на демократизацию их деятельности, ее большую прозрачность, открытость к обсуждению политических альтернатив, устранение идеологической предрасположенности. Речь также идет о том, что МВФ должен сосредоточиться на изначально входившей в его мандат цели – содействии поддержанию экономической стабильности в мире и не подменять эту главную задачу другими.

Книга Дж. Стиглица оставляет сильное впечатление потому, что заметно выделяется смелостью мысли и глубиной анализа среди обширной, появившейся за последние годы на Западе литературы по проблемам глобализации и перехода к рынку. Она ценна не только важными теоретическими положениями, но и заслуживающими внимания выводами и рекомендациями для практической политики. Перед нами образец современной политической экономии в хорошем смысле этого слова. И мировая, и переходная экономика пока еще слабо осмыслены этой наукой. Существующая разногласия препятствует выработке успешной политики. Хочется надеяться, что перевод книги на русский язык поможет нашему читателю лучше ориентироваться в проблемах, с которыми сталкиваются Россия и мир.

Страницы, посвященные России, очень убедительны и поучительны. Многие из сказанного созвучно мыслям российских экономистов, предупреждавших об опасностях шоковой терапии, поспешной либерализации и приватизации, указывавших на опасные проявления экономической глобализации. Немало общего и в предлагаемых альтернативных решениях. Российских критиков рыночного фундаментализма обвиняли в антиреформаторстве. Но американского профессора, удостоенного Нобелевской премии, за плечами которого работа на высших административных должностях, не отнесешь к противникам капитализма и рынка. Его доводы, конечно, легче всего замолчать, что наши власти научились делать. Честнее, однако, было бы тем, кто их не разделяет, публично, в прессе привести убедительные возражения.

Литература

1. Joseph E. Stiglitz, *Globalization and its Discontents*. W.W. Norton & Company. NY, L, 2002.
2. *Реформы глазами американских и российских ученых / Под ред. акад. О.Т. Богомолова*. М.: Группа экономических преобразований, 1996.
3. *The New Russia: Transition Gone Awry*. Stanford University Press, 2001.
4. Львов Д.С. *Проблемы долгосрочного социально-экономического развития России*. Науч. доклад на Президиуме РАН 24 декабря 2002 г. М.: Изд-во Волгоградского государственного ун-та, 2003.